

Вероника Лесневская

СЫНОЧЕК
В НАГРАДУ.
ПОДАРИ МНЕ
ЛЮБОВЬ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Л50

Лесневская, В.

Л50 Сыночек в награду. Подари мне любовь/ В. Лесневская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 484 с. - (Суровые отцы).

ISBN 978-5-517-12248-3

Муж прогнал меня, обвинив в измене, которой не было. Отказался от сына, не признав его своим, и оставил нас без средств к существованию. Единственным спасением оказалась работа в известной сети автосалонов. Если бы не одно «но». Мой босс... Дикий, одинокий, замкнутый после гибели жены, он даже на расстоянии держит в страхе весь коллектив. Но на меня с первого дня смотрит так, будто знает всю жизнь. А мой сын почему-то тянется к нему, как к родному отцу

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FА
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-12248-3

© Лесневская В., 2024
© Вишневская В., оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Глава 1

Тимур

— Мне нужна суррогатная мать, которая выносит нашего с женой ребенка, — выбиваю из груди каждое слово. — Мне сказали, ваша клиника предоставляет такие... услуги, — заканчиваю хрипло.

Паскудно звучит. А горечь течет по венам и все тело заполняет, когда я вспоминаю, почему решил пойти на это.

Мой последний шанс сохранить ее.

— Не хотите ли записаться на прием и обсудить все...

— Не хочу, — отрезаю резко, со злостью. — Вы можете просто ответить, реально ли это? — повышаю голос на врача.

— Да, мы подберем вам суррогатную мать, — после паузы проговаривает женщина. — Вы сможете лично пообщаться с ней, и...

— Мне просто нужен ребенок, — обрываю ее грубо. — Плевать, кто его выносит, лишь бы здоровая была.

— Мы предоставим медкарту и все справки. Кандидатки проходят полное обследование, — тараторит, стараясь угодить клиенту. — И все-таки я настаиваю на личной встрече. Могу принять вас завтра и обговорить детали. Без этого никак. Вам тоже придется сдать

Солнышек в награду. Подари мне любовь.

ряд анализов, подписать договор с клиникой и суррогатной матерью, сдать материал или воспользоваться донорским, — инструктирует меня.

— Нет, никаких доноров, — перебиваю настойчиво. — Мы с женой готовились к ЭКО в вашей клинике. Нас вел доктор Городецкий, но он уволился. Давно, — потираю переносицу, морщусь от острой боли, простреливающей лобную долю. Я почти на год выпал из жизни. И теперь пытаюсь вернуть хотя бы ее ничтожную часть. — Было несколько неудачных попыток, поэтому наши материалы решили заморозить и сохранить в криобанке. Мы собирались пройти еще один цикл. На этот раз криопротокол. Около года назад записались к Городецкому на очередной прием. Последний. Но так и не дошли.

Осекаюсь резко, пытаюсь отогнать от себя угнетающее чувство безысходности. Не сейчас. Иначе пошлю все к черту и откажусь на хрен от этой затеи. Но нельзя.

Она так хотела, чтобы все получилось. Из-за меня оборвалась ее мечта. И до гробовой доски я искупать буду долг перед ней.

— Фамилия? — настойчивый голос дергает меня из персонального ада, в котором жарюсь все это время.

— Вулканов, — бросаю коротко и откидываюсь на спинку кресла.

Взглядом обвожу комнату. Привычная домашняя обстановка, будто не произошло ничего. Те же дурацкие помпезные шторы, вызвавшие горячие споры в свое время, та же мебель в классическом стиле, тот же придурочный гидроматрас, на котором спать невозможно. То же вычурное трюмо с зеркалом в углу.

4 Только теперь его створки плотно закрыты.

В моем огромном доме все как прежде. За одним болезненным исключением...

— Мы проверим, и я перезвоню вам, — отключается представитель клиники.

Отбросив телефон на тумбу, привычным, машинальным движением тянусь к фоторамке. Со снимка на меня смотрит сероглазая брюнетка, улыбается так счастливо и искренне. Будто простила. Но нет, всего лишь самообман.

Не выпуская рамки из руки, снимаю трубку, прерывая мелодию звонка на первых нотах. Быстро же клиника отреагировала. Или я опять потерял счет времени, погрузившись в воспоминания? Смахиваю с фотографии невидимую пыль, слабо улыбаюсь — и не сразу вникаю в суть роковой фразы:

— К сожалению, в базе нет информации по вам...

Клинике все-таки удастся заманить меня в свои стены. И уже через час я готов перевернуть ее вверх дном. Персонал суетится, выясняет детали, носится табуном по коридорам. А та самая женщина, с которой я говорил по телефону, пытается меня усмирить.

— Девочки проверяют все архивы, после смены руководства в клинике произошли серьезные реформы. Мы до сих пор в стадии перехода. Персонал теряется в новых реалиях. Но ничего не могло исчезнуть бесследно, не беспокойтесь — заверяет она.

Приглашает в свой кабинет, дрожащими руками ставит чашку кофе на стол, но я нервно отодвигаю звякающее блюдо. Осматриваюсь. Совершенно неузнаваемое помещение. Другое. И крыло не то, где мы были в последний раз. Многое изменилось с тех пор, перестроилось. Зато меньше ассоциаций — и от этого чуть легче.

Солнышек в наряде. Подари мне любовь.

— Меня не волнуют ваши проблемы, — бросаю равнодушно, но твердо.

— Да-да, конечно, — успокаивающе выставляет ладони доктор.

Хватает телефонную трубку в тот же момент, как раздается короткий сигнал. Держится за нее, как за последнюю соломинку, что не дает ей утонуть. Вслушивается в доклад медсестры, темнеет. Опасливо косится на меня, и я подаюсь ближе к столу, складывая руки в замок.

— Мы выяснили, в чем дело, — заходит издалека. — Год назад с вашей стороны перестала поступать оплата за хранение материалов. Согласно нормам, клиника некоторое время продержала ячейку в базе, но потом...

— Не может быть, деньги со счета переводились автоматически, — рычу я и набираю личного помощника.

Этот бездельник долго думает, копается в документах, перезванивает в банк. И потом добывает меня информацией, что счет был заморожен... Черт. Разумеется! Ведь он был оформлен на жену. Безлимитный, потому что я никогда ничего для нее не жалел. Как назло в клинике она указала его номер, ведь тогда это было неважно — деньги все равно мои, а значит, общие. Но после того, как... Я не распорядился перекинуть оплату на новый счет.

В тот момент я вообще был не в состоянии отдавать какие-либо приказы.

— Уволен, — отрываюсь на помощнике.

Впрочем, мне он больше и не пригодится. Проклятый автобизнес будет выставлен на продажу. С молотка. К черту его! Все равно нет наследников, кому можно дело передать. И не предвидится.

— Сотрудники клиники пытались вам дозвониться и уточнить планы по поводу криобанка, но так и не получили ответа, — продолжает оправдываться врач, видя, как я закипаю от гнева.

Верю. Этот год «абонент был вне зоны доступа». И, видимо, я буду таковым всю оставшуюся жизнь.

— Что в итоге с биоматериалами? — цежу сквозь зубы, заранее предопределяя ответ.

— По договору их должны были утилизировать.

Вот и все. Последняя нить рвется.

Никакой надежды. Если уходить, то сжигать за собой все мосты. Если наказывать, то с особой жестокостью. Если прощаться, то навсегда.

Злюсь. И ненавижу.

Не ее. Себя.

— Но мы готовы принять вас с женой в любое удобное для вас время и с нуля провести все процедуры. Часть расходов возьмем на себя, потому что ситуация неоднозначная сложилась, а для нашей клиники крайне важно сохранить репутацию. Мы ценим каждого клиента, — словно сквозь плотную завесу вязкой тьмы пробивается взволнованный голос врача. — Скажите, когда вам с женой будет удобно начать обследование и подготовку? — летит финальный вопрос, после которого хочется кого-нибудь убить.

Сжав руки в кулаки и скрипнув зубами, я медленно поднимаюсь. И направляюсь к выходу.

— Никогда, — бросаю как бы невзначай. Холодно и ровно. — Моей жены больше нет, и это был единственный способ обрести общего ребенка.

Глава 2

Более трех лет спустя

Ева

— Чу-ди-ще-е, — вопит Владик и несется ко мне через весь холл.

Не успеваю обернуться, как он врывается в мои ноги, заставив потерять равновесие. Покачнувшись, выпускаю из рук горшок с нежно-розовой бегонией, и он заваливается набок. Черная земля рассыпается по подоконнику, часть слетает на пол и крупинки попадают на ковер из белоснежного меха песца, над которым так трясется Игорь.

Вдохнув, подхватываю горшок, ставлю его на место, снимаю перчатки. Переступив испачканный участок, приседаю к сыну. Прежде всего, уделяю внимание ему. Что бы ни случилось, Владик для меня на первом месте. Игорь утверждает, что я избаловала ребенка, но... я и не спорю. Все так. Я ни в чем не могу отказать сыну, а на его шалости не реагирую должным образом. Жалею.

Он же такой маленький. Всего три года. В Японии говорят, что до пяти лет ребенок — царь, а после... Найду еще, чем оправдать свою патологическую нежность и заботу. Не могу ругать, когда сынишка смотрит на меня чистыми, наивными глазами, в которых

плещется изумрудное море, бушующее, дикое, резвое. Невозможно уgomонить стихию — она сильнее меня.

— Ну, что ты опять натворил, ураганчик? — беру его за ручки.

Расправив ладошки, обреченно стираю с них пыль и масло. Тянусь за влажными салфетками, вытаскиваю сразу несколько, и через секунду они становятся темными.

— Чудище р-лугается, — жалуется Владик, с трудом выговаривая букву «р», и указывает грязным пальчиком на дверь.

В проеме появляется мрачный Игорь. На ходу застегивает рубашку, рваными движениями поправляет манжеты. Срывает галстук с вешалки, идет с ним ко мне.

— Я же просила, не называть так папу, — шиплю на малыша, а он губы надувает обиженно.

Наспех протираю руки о фартук и поднимаюсь к мужу. Исполняю его молчаливый приказ. Как обычно, машинально.

— Опять колесные колпачки мне все скрутил, — недовольно рычит он, пока я завязываю ему галстук. — Как только умудряется их достать? — удивляется и сурово зыркает на Владика.

— У детей пальцы цепкие, — улыбаюсь я, поглядывая на сына.

— Машина сломалась, нужно отвезти в гар-лаж к Максу, — транслирует он фразу из любимого мультика. И я головой качаю укоризненно.

— Хватит чушь нести, — гаркает на ребенка Игорь, и тот за меня прячется. Ногу мне поглаживает, обнимает. И я невольно усмехаюсь от щекотки. — А ты нашла, чему радоваться. Воспитывала бы лучше. Один хрен дома сидишь, — рикошетом попадает и мне.

Сыночек в наряде. Подари мне любовь.

— Не выражайся при сыне, — проговариваю спокойно.

Я привыкла, что муж каждое утро не в духе. Уходит на работу злой. Да и возвращается не лучше. Наши отношения дали трещину после рождения Владика. Не понимаю, почему, но Игорь сразу его не принял. Даже на руки в роддоме не взял, а на выписке только вид делал перед родственниками, что счастлив. Как только все разошлись, бросил меня в комнате наедине с кричащим свертком. И приказал не отвлекать от работы.

— А это что? — прищурившись, опускает взгляд на свой любимый ковер. Испепеляет крупинки грунта, предательски забравшиеся в мех.

— Земля сухая, — лгу я. — Я уберу, следов не останется.

— Задрала со своими кустами по всему дому, — рывкает раздраженно и сбрасывает мои руки со своей шеи. Проверяет узел на галстуке. Вроде бы остается доволен моей работой. — Чем тебе букеты обычные не угодили?

— Они мертвые, а я люблю жизнь во всех ее проявлениях, — беру на руки сына, и он жметя ко мне, укладывая голову на грудь. Чмокаю его в темную макушку. — Ты же знаешь, я не терплю срезанные цветы, которые потом медленно погибают в вазе. А мы еще воды подливаем, чтобы они мучились дольше.

— М-да, — окидывает меня снисходительным взглядом. Заставляет почувствовать себя полной идиоткой. — Чтобы к вечеру здесь все было чисто. Мама заедет.

— Так точно, — салютую ему, но спотыкаюсь о пренебрежительный взгляд.